НАЗАД В СССР: СЛЕДОВАТЕЛЬ

ТОМ 1

МИХАИЛ АРДОВ

Михаил Ардов

Назад в СССР: Следователь. Том 1

«Автор»
2026

Ардов М.

Назад в СССР: Следователь. Том 1 / М. Ардов — «Автор», 2026

Полковник Следственного комитета Михаил Волков привык брать самых опасных преступников XXI века. Пуля предателя оборвала его жизнь в 2026 году, но вместо темноты он открыл глаза в мае 1973-го — в теле молодого лейтенанта милиции города Горького.Здесь нет камер наблюдения, биллинга и генетических экспертиз. Зато есть криминалистика будущего, стальной характер и опыт «важняка», способного расколоть любого бандита. Первое же дело — загадочная смерть технолога на оборонном заводе — выводит Волкова на подпольных миллионеров, расхищающих золото страны под прикрытием высоких чинов. Местное начальство требует закрыть папку, блатные обещают пустить под нож, а КГБ начинает присматриваться к слишком умному лейтенанту. Но Волков не привык отступать — он заставит закон работать в любую эпоху!

© Ардов М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Дисклеймер 5
Пролог. Цена последней ошибки 6
Глава 1. Чужое тело 8
Глава 2. Несчастный случай на «Красном Сормово» 11
Глава 3. Спор в морге 14
Г 17
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Михаил Ардов
Назад в СССР: Следователь. Том 1

Дисклеймер

Все события, персонажи и названия организаций в данной книге являются художественным вымыслом. Любые совпадения с реальными людьми, уголовными делами или историческими фактами случайны. Действие разворачивается в альтернативной реальности, поэтому автор оставляет за собой право на вольное обращение с некоторыми историческими датами, топонимами и деталями быта в угоду динамике сюжета.

В книге присутствуют сцены табакокурения и употребления спиртных напитков, характерные для описываемой эпохи. Автор не пропагандирует употребление алкоголя, табака и иных веществ, и напоминает, что это вредит вашему здоровью.

Пролог. Цена последней ошибки

Ноябрьский дождь в Подмосковье не просто шел — он методично, с ледяным упорством вбивал грязный снег в разбитый асфальт заброшенной промзоны. Было около двух часов ночи. В свете тусклых фар стоявших в укрытии микроавтобусов косые струи воды казались стальными спицами.

Полковник Следственного комитета Михаил Волков сидел на переднем пассажирском сиденье «Газели», методично протирая запотевшее стекло рукавом форменной куртки. В свои сорок восемь он выглядел старше: жесткие складки у рта, седина на висках, тяжелый, немигающий взгляд человека, который двадцать пять лет копался в самой грязной изнанке человеческой природы.

— Товарищ полковник, группа «Гранит» на исходной, — негромко доложил командир спецназа, поправляя гарнитуру. — Периметр перекрыт. В ангаре, по данным тепловизора, семеро. Воронцов среди них, опознан по силуэту и походке. Ждем вашей отмашки.

Волков медленно выдохнул. Три года. Три чертовых года он шел по следу этой группы. Начинали с банального, казалось бы, хищения бюджетных средств на оборонном заводе, а вышли на гигантский теневой спрут, корни которого уходили еще в семидесятые, в эпоху советских цеховиков и партийных перерожденцев. Те, кто тогда разворовывал Союз, теперь стали уважаемыми людьми, а их наследники не останавливались ни перед чем. За спиной Воронцова тянулся кровавый след из десятка заказных убийств свидетелей, экспертов и честных оперативников.

— Слишком тихо, — пробормотал Волков, вглядываясь в темную громаду ангара в ста метрах впереди. — Не нравится мне это, Костя. Воронцов — старый волк, он бы охрану по крышам рассадил. А у тебя тепловизор только внутри людей видит.

— Может, расслабились? Погода мерзкая, нос на улицу не высунешь, — пожал плечами спецназовец. — Да и кто их тут, в этой глуши, искать будет?

— Ладно, — Волков проверил свой наградной пистолет Ярыгина, дослал патрон в патронник и поставил на предохранитель. — Работаем. Но без глупостей, береги ребят. Я иду вторым эшелоном, мне Воронцов живым нужен. Он мне фамилии московских покровителей назвать должен.

— Принято. Работаем!

Тяжелые бойцы в черном бесшумными тенями скользнули из машин и растворились в темноте. Прошла минута. Две. В наушнике Волкова слышалось только ровное дыхание штурмовой группы.

А потом мир взорвался.

Сначала грохнул светошумовой заряд у центральных ворот — это пошел в атаку «Гранит». И в ту же секунду с крыши соседнего, якобы пустого, цеха ударили длинные, злые очереди. Автоматный огонь резанул по асфальту, высекая снопы искр.

— Засада! Сверху бьют! — заорал в рацию командир группы. — Уходим в укрытие! Трехсотый! У меня трехсотый!

— Утечка, — ледяным, абсолютно спокойным голосом сказал Волков сам себе. — Кто-то в управлении слил операцию.

Он распахнул дверцу и выскочил под ледяной дождь. Пули защелкали по кузову «Газели», осыпая его осколками разбитого стекла. Волков пригнулся, перебежал за бетонный блок и вскинул пистолет.

Из распахнутой боковой двери ангара выскочили трое. Впереди, прикрываясь двумя здоровенными охранниками с автоматами, быстро семенил невысокий грузный мужчина в доро-

гом кашемировом пальто. Воронцов. Уходил к запасным воротам, где его наверняка ждал бронированный внедорожник.

Рядом с Волковым вжался в грязь совсем молодой, двадцатитрехлетний лейтенант-стажер из его следственной группы, которого полковник взял на выезд для обкатки. Парень побелел от ужаса, сжимая в трясущихся руках табельный ПМ.

— Назад! — рявкнул Волков, но было поздно.

Один из охранников Воронцова заметил движение за бетонным блоком и повел стволом автомата в их сторону. Секунда — и длинная очередь изрешетит парнишку.

Волков не думал. Сработал выработанный десятилетиями инстинкт. Он рванулся вперед, всем телом накрывая стажера и впечатывая его в мокрый асфальт.

В грудь словно ударили раскаленной кувалдой. Раз, второй, третий. Бронежилет скрытого ношения выдержал первую пулю, но две следующие прошили его навылет, обжигая легкие нестерпимым, клокочущим огнем. Воздух со свистом вырвался изо рта.

Волков рухнул на бок, но правая рука, намертво вцепившаяся в рукоять пистолета, не дрогнула. Сквозь застилающую глаза кровавую пелену он видел, как охранник замер, перезаряжая автомат, а сам Воронцов уже распахнул дверцу черного джипа.

«Не уйдешь, падаль», — прохрипел про себя полковник.

Он вытянул руку, поймал на мушку спину в кашемировом пальто и дважды нажал на спуск. Грохот выстрелов слился с шумом дождя. Воронцов дернулся, выронил кейс и мешком рухнул в лужу. В ту же секунду подоспевшие бойцы «Гранита» с двух сторон накрыли огнем оставшихся боевиков. Бой закончился так же внезапно, как и начался.

— Товарищ полковник! Михаил Сергеевич! Держитесь! Врача сюда, срочно! — кричал над ухом бледный стажер, пытаясь зажать руками рваные дыры на куртке Волкова.

Волков смотрел в черное, тяжелое осеннее небо. Холод стремительно расползался от груди к кончикам пальцев. Боль уходила, сменяясь ватной, звенящей пустотой. Но сильнее физического угасания жгла глухая, бессильная ярость.

Воронцов мертв. Ниточка оборвалась. Те, кто сидел в высоких кабинетах и дергал за ниточки еще с советских времен, снова вышли сухими из воды. Они развалили одну великую страну, обглодали ее до костей в девяностые и до сих пор пили кровь из новой.

«Эх, мне бы лет на пятьдесят назад… В самое начало, когда эта гниль только-только голову поднимала, — мелькнула последняя, горькая мысль. — Я бы им ни единого шанса не оставил. Я бы их всех…»

Сирены скорой помощи взвыли совсем рядом, но их звук вдруг стал странным — тонким, надрывным, переходящим в резкий, противный звон механического будильника.

Чернота сомкнулась над головой, поглощая дождь, боль и 2026 год.

Глава 1. Чужое тело

Механический будильник на тумбочке орал так, словно пытался разбудить весь квартал. Противный, дребезжащий металлический звон впивался прямо в виски.

Михаил на автомате выбросил руку из-под тяжелого ватного одеяла, нащупал холодную круглую крышку и вдавил кнопку сверху. Звон оборвался.

В комнате повисла тишина, нарушаемая лишь тихим, размеренным тиканьем.

Волков лежал с закрытыми глазами и прислушивался к себе. Странно. Грудь не болела. Никакой раскаленной пустоты, никакого хрипа в пробитых легких, никакого запаха мокрого осеннего асфальта и пороховой гари. Вместо этого в нос ударил густой, забытый с далекого детства запах: пахло мастикой для пола, старыми бумажными обоями, легким табачным дымом и вареной картошкой, тянувшейся откуда-то из-за тонкой двери.

Он резко открыл глаза и сел на кровати.

Пружины панцирной сетки жалобно скрипнули. Михаил огляделся. Небольшая узкая комната, оклеенная выцветшими обоями в мелкий цветочек. У окна — письменный стол, заваленный стопками книг, подшивками газет и толстыми тетрадями в коленкоровых обложках. Над столом висел отрывной календарь.

Волков прищурился, вглядываясь в крупные черные цифры.

14 МАЯ. ПОНЕДЕЛЬНИК.Чуть ниже, мелким шрифтом: **1973 г.**

— Твою ж мать… — выдохнул Михаил и тут же осекся.

Голос был не его. Не хриплый, прокуренный баритон сорокавосьмилетнего полковника, а звонкий, молодой, с легкой мальчишеской хрипотцой.

Он рывком вскочил с кровати — тело отозвалось поразительной, давно забытой легкостью. Никакой тяжести в пояснице, никакого привычного утреннего гула в коленях. Волков шагнул к старому платяному шкафу с мутноватым зеркалом на дверце и замер.

Из зазеркалья на него смотрел незнакомый парень лет двадцати двух или двадцати трех. Худощавый, но крепкий, жилистый, с широкими плечами. Русые волосы коротко пострижены, под глазами легкие тени от недосыпа, скулы острые, взгляд серых глаз — тяжелый, колючий, совсем не по возрасту.

Михаил провел ладонью по гладко выбритому подбородку, сжал и разжал кулаки. Костяшки пальцев сбиты — видимо, парень не чурался уличных драк или занимался боксом.

В памяти вдруг словно прорвало плотину. Чужие воспоминания накатили плотной волной, укладываясь поверх его собственного жизненного опыта, как второй слой пленки.

Михаил Сергеевич Волков. Полный тезка. Двадцать три года. Родителей нет — отец, фронтовик, умер три года назад от старых ран, мать ушла еще раньше. Окончил Горьковскую высшую школу МВД СССР с отличием, по распределению направлен в Автозаводский районный отдел внутренних дел города Горького на должность следователя. В звании лейтенанта милиции. Живет здесь, в комнате трехкомнатной коммунальной квартиры на улице Веденяпина. Соседи — семья заводского мастера и пожилая учительница.

— Значит, не привиделось перед смертью, — тихо проговорил Волков, глядя в зеркало на свое новое отражение. — Вытащило. Прямо туда, откуда все начиналось.

Он перевел взгляд на стул у кровати. На спинке аккуратно висел отглаженный темно-синий китель с красными кантами и погонами лейтенанта милиции. Рядом на столе лежала фуражка, кожаная кобура с табельным пистолетом Макарова и красная книжечка служебного удостоверения.

Волков быстро умылся в общей ванной, стараясь не задерживаться под любопытными взглядами соседки — пожилой учительницы Анны Петровны, — вернулся в комнату и начал одеваться. Форма села как влитая. В кармане брюк звякнула мелочь: трешка бумажкой и горсть медяков. До получки оставалось еще четыре дня.

Выйдя из подъезда, он вдохнул свежий майский воздух. Город Горький жил своей неспешной, основательной жизнью. По широкому проспекту катили редкие «Волги» и «Москвичи», к остановке подходил переполненный ЛиАЗ-677, глухо урчащий двигателем, а из репродуктора на столбе бодро гремела утренняя гимнастика. Никаких пробок, никакой суеты мегаполиса XXI века — только спокойная, уверенная мощь огромной страны, которая еще не знает, что через двадцать лет ее пустят под нож.

До своего отдела Михаил дошел пешком за пятнадцать минут. Двухэтажное кирпичное здание Автозаводского РОВД встречало дежурной частью за толстым стеклом, запахом дешевого табака «Прима» и гулом телефонных звонков.

— О, явился, светоч науки! — раздался густой, прокуренный бас от стойки дежурного.

Волков обернулся. К нему подходил коренастый старшина лет сорока пяти с широким, обветренным лицом, густыми бровями и тяжелыми кулаками грузчика. Память сразу подсказала имя: Петр Иванович Громов, старший оперуполномоченный уголовного розыска. Мужик ворчливый, но честный и битый жизнью.

— Здравия желаю, Петр Иванович, — спокойно кивнул Волков, пожимая его жесткую, как наждак, ладонь.

— И тебе не хворать, лейтенант. Иди к начальнику, майор Зубов с утра рвет и мечет, тебя спрашивал. Говорит, хватит бумаги перекладывать, пора пороху понюхать.

Волков поднялся на второй этаж и постучал в дверь с табличкой «Начальник РОВД майор милиции Зубов В.Н.».

— Входи! — рявкнули из-за двери.

В просторном, прокуренном кабинете под портретом Дзержинского сидел грузный, лысеющий майор с красным от давления лицом. Перед ним лежали две пухлые папки и разрывался черный телефон.

— А, Волков! Отличник боевой и политической! — майор махнул рукой в сторону стула, одновременно прижимая трубку плечом к уху. — Да, товарищ директор, понимаю… Высылаю людей, всё сделаем по форме… Да, не волнуйтесь, смену не сорвем!

Он с грохотом бросил трубку на рычаг, вытер лоб платком и уставился на молодого следователя тяжелым взглядом.

— Слушай сюда, лейтенант. Месяц ты у нас штаны протираешь, мелочевку всякую расписываешь. Пора в реальную работу впрягаться. Десять минут назад звонили с «Красного Сормово». В седьмом цеху у них ЧП — главный технолог Кравцов со строительных лесов навернулся. Насмерть.

— Завод оборонный, — заметил Волков. — Прокуратура или КГБ подключатся?

— Уполномоченный от комитета уже там, — отмахнулся майор. — А прокуратура нам материал отписала: обычное нарушение техники безопасности на производстве. Выпил, видать, после смены или зазевался. Бери старшину Громова, машину у дежурного — и дуй туда. Оформишь протокол осмотра, возьмешь объяснения у мастера смены, и к обеду чтобы отказной материал у меня на столе лежал. Понял? Директору план гнать надо, нечего там людей баламутить.

— Понял, товарищ майор, — коротко ответил Волков, хотя внутри у бывшего полковника СК уже сработал старый, проверенный десятилетиями инстинкт. Слишком уж настойчиво директор завода звонил начальнику милиции, чтобы списать гибель главного технолога на «обычную бытовуху».

Он вышел из кабинета, спустился во двор, где у заведенной милицейской ГАЗ-21 «Волга» уже курил старшина Громов.

— Ну что, лейтенант, боевое крещение? — ухмыльнулся старшина, открывая дверцу машины. — Погнали на завод. Быстро оформим жмура, да и пообедать успеем.

Волков сел в «Волгу», глядя в окно на проплывающие мимо улицы 1973 года, и тихо усмехнулся. Оформлять отказной материал «по-быстрому» он точно не собирался.

Глава 2. Несчастный случай на «Красном Сормово»

Милицейская ГАЗ-21 «Волга» мягко покачивалась на рессорах, разрезая утренний поток машин по широкому проспекту. Водитель Вася, паренек с чубом, выбивающимся из-под фуражки, вел машину уверенно, изредка поглядывая в зеркало заднего вида на молодого следователя.

Старшина Громов сидел впереди, приоткрыв форточку, и дымил папиросой, выпуская сизый дым прямо в набегающий ветер.

— Кравцов Иван Петрович, сорок два года, — басил старый опер, глядя на проплывающие мимо серые коробки заводских корпусов. — Мужик башковитый, орденоносец, главный технолог седьмого цеха. Семья, дочка в школе учится, на хорошем счету в парткоме. Вчера вечером задержался после второй смены — вроде как документацию к утренней планерке готовил. А в шесть утра уборщица пришла и нашла его под строительными лесами у сборочного станка. Голова пробита, шея свернута.

— И сразу несчастный случай? — негромко спросил Волков, наблюдая за дорогой.

— А чего тут думать? — хмыкнул Громов. — Обычная бытовуха на производстве. Устал человек, закружилась голова, полез наверх проверить кран-балку или чертежи какие — оступился в полумраке и привет. Нам же проще, Миш. Оформим как положено, возьмем объяснения с мастера и охраны — и спишем в отказной. Зубов нам только спасибо скажет, что висяк на район не вешаем.

«Знакомая песня, — усмехнулся про себя бывший полковник СК. — Что в 2026-м, что в 1973-м — никто не хочет портить статистику».

Через двадцать минут «Волга» притормозила у массивной кирпичной проходной «Красного Сормово». Вооруженный вахтер в темно-синей форме тщательно сверил их удостоверения с выписанным заранее пропуском, после чего тяжелые металлические ворота со скрипом разъехались в стороны.

Машина проехала по внутренней территории завода — мимо огромных цехов, железнодорожных веток и штабелей металлического проката — и остановилась у седьмого корпуса.

У входа уже толпились люди. Впереди стоял седой, грузный мужчина в строгом сером костюме и галстуке — директор завода Аркадий Семёнович. Рядом с ним нервно мял в руках замасленную кепку начальник цеха, а чуть в стороне, привалившись плечом к кирпичной стене, курил худощавый мужчина лет тридцати пяти в неприметном светло-сером плаще.

— Наконец-то! — раздраженно бросил директор, поглядывая на золотые наручные часы. — Товарищ лейтенант, давайте побыстрее. Мне смену запускать нужно, план горит, а у меня целый пролет оцеплен из-за этого ротозея!

Волков молча козырнул и шагнул в полумрак огромного цеха.

Внутри пахло машинным маслом, горячим металлом, остывшим шлаком и старой пылью. Под высоким стеклянным потолком гудели мостовые краны, но в дальнем правом углу, огороженном натянутой бечевкой, стояла мертвая тишина. Там, возле громоздкого токарно-карусельного станка, высились трехметровые металлические строительные леса. Прямо под ними, на сером бетонном полу, накрытый грубым брезентом, лежал человек.

Волков подошел, присел на корточки и откинул край брезента.

Перед ним лежал мужчина средних лет с аккуратно зачесанными назад русыми волосами и строгим, интеллигентным лицом. На левом виске запеклась темная корка крови — удар пришелся прямо о бетонный пол. Глаза были полуоткрыты, лицо неестественно одутловатое, с характерным синюшным оттенком.

Старшина Громов зевнул, прикрыв рот ладонью:— Ну, всё ясно, Миш. Вон и леса над ним, три метра высоты. Оступился, головой об угол станины — и готов. Пиши протокол осмотра, сейчас санитары из морга приедут, заберут.

Но Волков не спешил доставать бланк. Его взгляд, натренированный за двадцать пять лет работы на сотнях мест преступлений, мгновенно выхватил детали, которые никак не укладывались в удобную версию директора.

Во-первых, положение тела. Когда живой человек падает с высоты, он инстинктивно выбрасывает руки вперед или в стороны, пытается зацепиться за воздух, сгруппироваться. У Кравцова же руки лежали неестественно ровно вдоль туловища, а на ладонях и костяшках пальцев не было ни единой ссадины, царапины или следа заводской грязи.

Во-вторых, одежда. Полы его синего рабочего халата были аккуратно подоткнуты под бедра — так бывает, когда тело не падает, а когда его тащат волоком за плечи и сбрасывают вниз. А воротник белой рубашки под халатом был перекошен, и верхняя пуговица оказалась оторвана с мясом.

Волков достал из кармана кителя маленький карманный фонарик, щелкнул кнопкой и направил узкий луч света на шею погибшего, осторожно повернув его голову набок.

Старшина Громов нахмурился и наклонился ближе. Даже молчаливый мужчина в сером плаще сделал шаг вперед, прищурившись.

На коже шеи, чуть ниже кадыка, под ярким лучом фонарика отчетливо проступила тонкая, почти незаметная синеватая полоса. Странгуляционная борозда.

— Ничего себе оступился, — тихо, ледяным тоном произнес Волков, выключая фонарик. — Его сначала задушили тонким шнуром или проволокой, а потом уже сбросили с лесов, чтобы инсценировать несчастный случай.

В цеху повисла гробовая тишина. Директор завода побледнел и схватился за сердце.

— Что вы несете, лейтенант?! — сорвался он на визг. — Какое убийство?! На режимном предприятии?! Вы с ума сошли! Да я сейчас же в обком позвоню! У меня оборонный заказ горит, а какой-то зеленый мальчишка тут детектив устраивает!

— Товарищ директор, криком делу не поможешь, — спокойно ответил Волков, поднимаясь с колен и отряхивая брюки. — Это не несчастный случай, а умышленное убийство. И цех ваш прямо сейчас становится местом преступления.

— Кто старший?! Позовите сюда старшего! — заорал директор, оглядываясь по сторонам.

Вперед неспешно шагнул тот самый худощавый мужчина в сером плаще. Он достал из внутреннего кармана темно-бордовую книжечку, на секунду раскрыл ее перед носом директора и тут же спрятал.

— Капитан Комитета государственной безопасности Седов, — тихо, но так, что услышали все вокруг, произнес чекист. — Успокойтесь, Аркадий Семёнович. Смену в соседних пролетах можете запускать. А этот участок придется перекрыть. Лейтенант прав: с Кравцовым не всё так просто.

Директор мгновенно сдулся, словно проколотый шар. Он затравленно покосился на чекиста, пробормотал что-то невнятное про «полное содействие» и быстрым шагом направился к выходу из цеха.

Старшина Громов с искренним уважением и легким недоумением посмотрел на Волкова.

— Ну ты даешь, Миш, — пробасил старый опер, почесывая затылок под фуражкой. — Когда это ты так наблатыкался? Вчера еще на лекции зевал, а сегодня директора оборонного завода на место поставил, как матерый следак с Петровки.

— Учился хорошо, Петр Иванович, — сухо усмехнулся Волков, доставая из планшета бланк протокола осмотра места происшествия. — Давай-ка поднимемся на леса, посмотрим, нет ли там следов борьбы, и проверим журнал ночной смены на проходной. А я сразу после осмотра в морг поеду — хочу лично при вскрытии присутствовать.

Глава 3. Спор в морге

Осмотр места происшествия занял еще полтора часа. На верхнем настиле строительных лесов Волков обнаружил смазанный отпечаток подошвы рабочего ботинка сорок третьего размера и едва заметную царапину на металлическом поручне — словно что-то тяжелое перевалили через край. Старшина Громов тем временем изъял на проходной журнал учета ночной смены и взял объяснения с вахтера и мастера цеха. По бумагам выходило, что после восьми вечера в седьмом корпусе не оставалось ни души, кроме самого Кравцова.

— Врут, как дышат, — коротко резюмировал Волков, садясь в милицейскую «Волгу». — На оборонном заводе через проходную муха без отметки не пролетит, а тут убийца зашел, задушил главного технолога и спокойно ушел. Либо он свой, из ночной смены, либо его провели через черный ход. Поехали в морг, Петр Иванович. Завезешь меня, а сам дуй в отдел — пробей по картотеке всех судимых, кто работает в седьмом цеху.

— Сделаем, лейтенант, — кивнул Громов, доставая очередную папиросу. — К обеду пересечемся у Зубова. Чую я, майор нам сейчас головомойку устроит за этот цирк с директором.

Районное бюро судебно-медицинской экспертизы располагалось на окраине, в старом одноэтажном здании из красного кирпича, утопающем в густых зарослях майской сирени. Санитарный фургон с телом Кравцова прибыл сюда минут за двадцать до Волкова.

Внутри пахло хлоркой, формалином и сыростью. Пройдя по гулкому пустому коридору, Волков толкнул двустворчатую дверь с облупившейся табличкой «Секционный зал» и шагнул внутрь.

В прохладном помещении, выложенном белым кафелем, у металлического стола стояла молодая женщина в белом халате и марлевой шапочке, из-под которой выбивалась прядь темных волос. Она склонилась над журналом регистрации, что-то быстро записывая перьевой ручкой.

Услышав шаги, она обернулась. Волков на мгновение задержал на ней взгляд. Девушке было лет двадцать пять, не больше. Строгие, правильные черты лица, высокие скулы, умные карие глаза и чуть вздернутый подбородок, выдающий упрямый характер.

— Вы еще кто такой? — без особого приветствия спросила она, поправляя на носу круглые очки в тонкой роговой оправе. — Посторонним в секционный зал вход воспрещен.

— Лейтенант Волков, следователь Автозаводского РОВД, — представился Михаил, доставая красное удостоверение. — Привезли Кравцова Ивана Петровича с «Красного Сормово». Мне нужно заключение о причине смерти как можно быстрее.

— Соколова Елена Викторовна, — коротко кивнула она, мельком глянув на корочки. — Быстрее не получится, товарищ лейтенант. У меня помимо вашего «несчастного случая» еще двое утопленников с Волги лежат. А с вашим инженером и так всё ясно: открытая черепно-мозговая травма при падении с высоты. В сопроводиловке же написано.

— В сопроводиловке написал фельдшер скорой, который даже воротник ему не расстегнул, — спокойно возразил Волков, подходя к соседнему столу, где уже лежало тело Кравцова. — А я утверждаю, что его задушили.

Елена Соколова прищурилась, скрестив руки на груди, и посмотрела на молодого милиционера с откровенной снисходительностью.

— Товарищ лейтенант, вы, конечно, только из школы МВД, энтузиазма много, детективов начитались… Но медицину не обманешь. На шее при падении могла остаться складка от тугого воротника или ремня сумки. Не выдумывайте сенсаций на ровном месте, у меня и без ваших фантазий работы по горло.

— А вы посмотрите на конъюнктиву глаз, Елена Викторовна, — мягко, но настойчиво сказал Волков, кивнув на лицо погибшего. — Видите мелкоточечные кровоизлияния? Пятна Тардье. При обычной черепно-мозговой травме от падения их не бывает, это классический признак острой асфиксии. И посмотрите на его правую кисть — под ногтями среднего и безымянного пальцев темные микрочастицы. Он хватал за одежду или царапал того, кто его душил.

Соколова замерла. Снисходительная улыбка медленно сползла с ее лица. Она подошла к столу, взяла с инструментального лотка лупу и наклонилась над телом технолога. Прошла минута. В тишине зала было слышно только, как за открытым окном чирикают воробьи и шумит ветер в ветвях сирени.

— Так… — тихо пробормотала она, разглядывая шею и глаза Кравцова через увеличительное стекло. — Подкожные кровоизлияния в мягких тканях шеи… Перелом рожков подъязычной кости… Черт возьми.

Она выпрямилась и посмотрела на Волкова совсем другим взглядом — уже без всякой иронии, с неподдельным профессиональным интересом и легким замешательством.

— Откуда вы это знаете, лейтенант? Про пятна Тардье на первом курсе мединститута вскользь упоминают, не каждый участковый врач вспомнит, а уж следователь…

— Люблю судебную медицину, Елена Викторовна, — серьезно ответил Михаил, глядя ей прямо в глаза. — Хорошая книга попалась в библиотеке. Давайте проведем вскрытие прямо сейчас, а я подожду в коридоре. Чувствует мое сердце, это только начало.

Соколова молча кивнула, отвернулась к раковине и начала энергично натягивать резиновые перчатки.

Волков вышел в пустой, гулкий коридор, присел на жесткую деревянную скамью и достал из кармана блокнот. Нужно было разложить факты по полочкам. В 2026 году он бы уже пробил звонки Кравцова за последние сутки, запросил биллинг всех мобильных телефонов в радиусе километра от цеха и снял записи с камер на проходной. Здесь же приходилось работать по старинке — ножками, головой и бумажками. Но и у 1973 года был свой огромный плюс: преступники той эпохи понятия не имели о современной криминалистике, трасологии и психологическом профилировании. Они привыкли, что если нет свидетелей и отпечатков пальцев — дело можно считать закрытым.

Прошло около сорока минут. Дверь секционного зала распахнулась, и на пороге появилась Елена. Выглядела она взволнованной, на щеках проступил легкий румянец.

— Лейтенант, зайдите на секунду, — позвала она.

Волков вошел. Соколова стояла у лабораторного столика, держа длинным пинцетом над стеклянным лотком крошечный, скрюченный от желудочного сока кусочек плотного желтоватого картона с аккуратными прямоугольными отверстиями.

— Смерть действительно наступила от механической асфиксии, — быстро заговорила она. — Душили чем-то тонким и очень прочным, скорее всего, стальным тросиком или витой проволокой, наброшенной сзади. Удар головой о бетон произошел уже посмертно. Но главное не это. При вскрытии желудка я обнаружила вот это. Он проглотил этот кусок буквально за несколько минут до смерти — картон даже размокнуть не успел.

Волков наклонился, внимательно рассматривая находку. Сердце глухо ударило о ребра.

Это был оторванный уголок стандартной перфокарты для советских электронно-вычислительных машин — ЭВМ. На сохранившемся краешке картона простым химическим карандашом были четко нацарапаны три цифры и две буквы: **«742 — К.С.»**.

— Упакуйте это в отдельный конверт как вещественное доказательство, Елена Викторовна, — тихо сказал Волков, чувствуя, как азарт настоящего охотника разливается по жилам. — И микрочастицы из-под ногтей тоже соберите. Вы только что нашли ключ к этому делу.

В этот момент в конце коридора резко зазвонил черный дисковый телефон на посту дежурного санитара. Санитар снял трубку, пробурчал что-то и крикнул:

— Товарищ лейтенант! Вас из отдела к аппарату! Срочно!

Волков шагнул в коридор, взял тяжелую эбонитовую трубку.

— Волков слушает.

— Миша, это я, Громов, — глухо загудел в трубке голос старшины. — Слушай сюда, лейтенант, дела хреновые. Директор завода только что звонил начальнику нашего РОВД, а тот уже на ковер к прокурору района поехал. Приказано дело об убийстве не возбуждать, все материалы передать в прокуратуру сегодня же к пяти вечера. Тебя от расследования отстраняют. Говорят, лезешь не в свое дело!

Волков сжал трубку так, что побелели костяшки пальцев, и криво усмехнулся.

— Ну-ну, — тихо произнес он. — Посмотрим, кто кого отстранит. Жди меня в отделе, Петр Иванович. Сначала заедем по одному очень интересному адресу — к вдове Кравцова.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.